

УДК 902.01
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215

К вопросу о хронологических позициях боборыкинских и кошкиных комплексов в Нижнем Приишимье (по материалам поселения Мергень-6)

Д. Н. Еншин

*Тюменский научный центр СО РАН
Тюмень, Россия*

Аннотация

В результате раскопок поселения Мергень-6 (Западная Сибирь, бассейн Ишима) исследовано 13 неолитических сооружений, получена представительная коллекция керамических сосудов (520 единиц). Выделено четыре группы емкостей, в том числе боборыкинского и кошкинского типов. На основании планиграфического и стратиграфического анализа, а также применения метода «связей», установлено хронологическое единство построек, составлявших поселение с планировкой, приближенной к круговой, повторяющей контуры мыса, образованного озером и вытекающей из него протокой. Это подтверждает и одновременность залежавших в сооружениях керамических комплексов. Время функционирования поселения определяется серией радиоуглеродных и AMS дат (21 единица) по кости, рогу, керамике, нагару на керамике (боборыкинские и кошкиные сосуды). Относится к концу VII тыс. до н. э. Появление раннего боборыкинского комплекса в Нижнем Приишимье актуализирует проблему хронологии древностей данного типа на территории Среднего Зауралья.

Ключевые слова

Нижнее Приишимье, Среднее Зауралье, ранний неолит, керамические комплексы, хронология

Благодарности

Исследование выполнено по госзаданию, проект № АААА-А17-117050400147-2

Для цитирования

Еншин Д. Н. К вопросу о хронологических позициях боборыкинских и кошкиных комплексов в Нижнем Приишимье (по материалам поселения Мергень-6) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7: Археология и этнография. С. 203–215. DOI 10.25205/ 1818-7919-2020-19-7-203-215

The Chronological Positions of the Boborykino and Koshkino Complexes in the Lower Ishim River Region (Based on Materials of the Mergen-6 Settlement)

D. N. Enshin

*Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tyumen, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article is devoted to one of the most debatable problems for the Trans-Ural Neolithic – the chronological correlation of the Boborykino and Koshkino complexes. From the excavations of the settlement Mergen-6 (Lower Ishim River Region), groups of these ceramic vessels from the ditches of dwellings were obtained. This allowed a spatial and chronological comparison.

© Д. Н. Еншин, 2020

Results. Planographic, stratigraphic analysis of the location of the dwellings and the application of the “ties” method in assessing the spatial distribution of vascular fragments revealed a number of patterns. Morphological features of the in-depth part of buildings, interior details and the general relative position of structures (13 objects) indicate a unified architectural strategy and the presence of signs of the spatial organization of the settlement in antiquity – a layout loosely resembling a circular shape. This indicates the synchronization of the functioning of the dwellings. Ceramic vessels of both types lay in the same structures, at the same depths. Also, parts from the same vessels were found in different dwellings (fragments of 40 items). This is another confirmation of the synchronism of buildings and ceramic complexes in them. A comparison of the information with the dates (21 units) obtained from these structures on bone, horn, ceramics, and charred crust on pottery confirmed these findings.

Conclusion. The presented materials testify to the coexistence of the bearers of the Boborykino and Koshkino cultural traditions on the territory of the Lower Ishim River Region in the early Neolithic (the last quarter of the 7th millennium BC).

Keywords

Lower Ishim River Region, Middle Trans-Urals, Early Neolithic, ceramic complexes, chronology

Acknowledgments

The study was carried out as part of the State task: project No. AAAA-A17-117050400147-2

For citation

Enshin D. N. The Chronological Positions of the Boborykino and Koshkino Complexes in the Lower Ishim River Region (Based on Materials of the Mergen-6 Settlement). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 203–215. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215

Введение

Вопрос культурно-хронологического соотношения боборыкинских и кошкиных комплексов в Зауралье остается до конца не выясненным. Прежде всего это связано с дискуссионностью хронологической позиции первых. Согласно концепции В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой, время бытования носителей боборыкинской культурной традиции определяется поздним неолитом (конец V – IV тыс. до н. э.), в рамках которого они сосуществуют с представителями сосновоостровской и, вероятно, полуденковской (полуденской) традиции [Ковалева, Зырянова, 2010. С. 295; 2011]. Кошкинские древности, согласно этим авторам, датируются ранним периодом неолита – V тыс. до н. э. [Ковалева, Зырянова, 2008; 2016. С. 8]. Соответственно, в этой культурно-хронологической схеме место боборыкинско-кошкинским связям если и отводится, то на рубеже тысячелетий. Необходимо отметить, что в авторской интерпретации эти культуры датируются V–IV тыс. до н. э., однако, согласно опубликованным ими калиброванным значениям датировок, для кошкинской традиции время существования определяется VI тыс. до н. э., а для боборыкинской – V тыс. до н. э. [Ковалева, Зырянова, 2016. С. 9, 10]. Иной точки зрения придерживается В. А. Зах. По его мнению, время существования боборыкинских древностей – VII тыс. до н. э., а появление кошкиных комплексов на рубеже VII–VI тыс. до н. э. и их дальнейшее развитие – результат трансформации первых (как мигрантов с южных территорий) при слиянии с местным мезолитическим населением [Зах, 2009; 2018. С. 27–28; Зах, Исаев, 2010]. Авторы обеих концепций придерживаются позиции заблуждения оппонента и показа преимущества своей схемы как единственно верной, не допуская возможности существования более сложных, многоуровневых процессов формирования ранне- и поздненеолитических комплексов Зауралья.

Отметим, что в последние годы ряд исследователей высказал предположение о возможности существования раннего боборыкинского пласта / этапа, не исключая, впрочем, и позднего. На это указывали Н. М. Чаиркина и Е. Н. Дубовцева, анализируя вопрос соотношения боборыкинских и сатыгинских древностей [2016. С. 29]. В. С. Мосин также не исключил возможность некоторого удревнения боборыкинской традиции в лесостепной зоне [2018. С. 58]. А. Ф. Шорин и А. А. Шорина предположили существование раннеолитического этапа в Зауралье, связанного с кошкиным и боборыкинским комплексами поселения Мergen-6, локализованного в Тоболо-Ишимском междуречье [2020. С. 51]. При этом исследователи сходятся во мнении о раннеолитическом возрасте кошкинской традиции и датируют

ее появление временем не позднее последней четверти VII тыс. до н. э. [Косинская, 2014; Мосин, Епимахов, 2018. С. 111; Шорин, Шорина, 2018; 2020. С. 37].

Многогранность проблемы интерпретации боборыкинских древностей связана с несколькими факторами: происхождение большей части материалов из многослойных (в том числе в рамках неолита) памятников, со сложной планиграфией и стратиграфией; отсутствие, за редким исключением, систематических площадных исследований боборыкинских поселений; малое количество дат; слабая разработанность темы причин морфологического и отчасти орнаментального многообразия боборыкинской посуды (см., например, [Ковалева, Зырянова, 2010]). Что касается датирования, то для всего Зауралья (лесная и лесостепная зона) исследователи приводят 27 дат, включая басьяновские [Мосин, 2018. С. 58; Шорин, Шорина, 2020. С. 42], при этом контекст и достоверность некоторых из них ставятся под сомнение. Таким образом, вопрос соотношения боборыкинских и кошкиных древностей по-прежнему остается актуальным и далеким от полного разрешения.

Нижнее Приишимье находится на периферии Среднего Зауралья, однако общины, проживавшие здесь в раннем и развитом неолите, были неотъемлемой частью процессов сложения культурных традиций всего этого пространства. Опорным микрорайоном для изучения раннего и развитого неолита в долине Ишима является Мергенский, а наиболее информативным объектом в нем – поселение Мергенъ-6.

Памятник расположен в зоне северной лесостепи на мысовидном выступе высокой озерной поймы, образованном озером Мергенъ и вытекающей из него протокой Мергенской (рис. 1). На поселении исследовано около 2 000 кв. м его площади. Выявлено 13 сооружений неолитического времени (рис. 2, 1). Проведена типология построек [Еньшин, 2014]. Выделено три типа. Тип I – легкие постройки хозяйственного назначения площадью 9–15 кв. м и глубиной котлованов 0,05–0,15 м (6 построек, расположены вдоль береговой линии протоки).

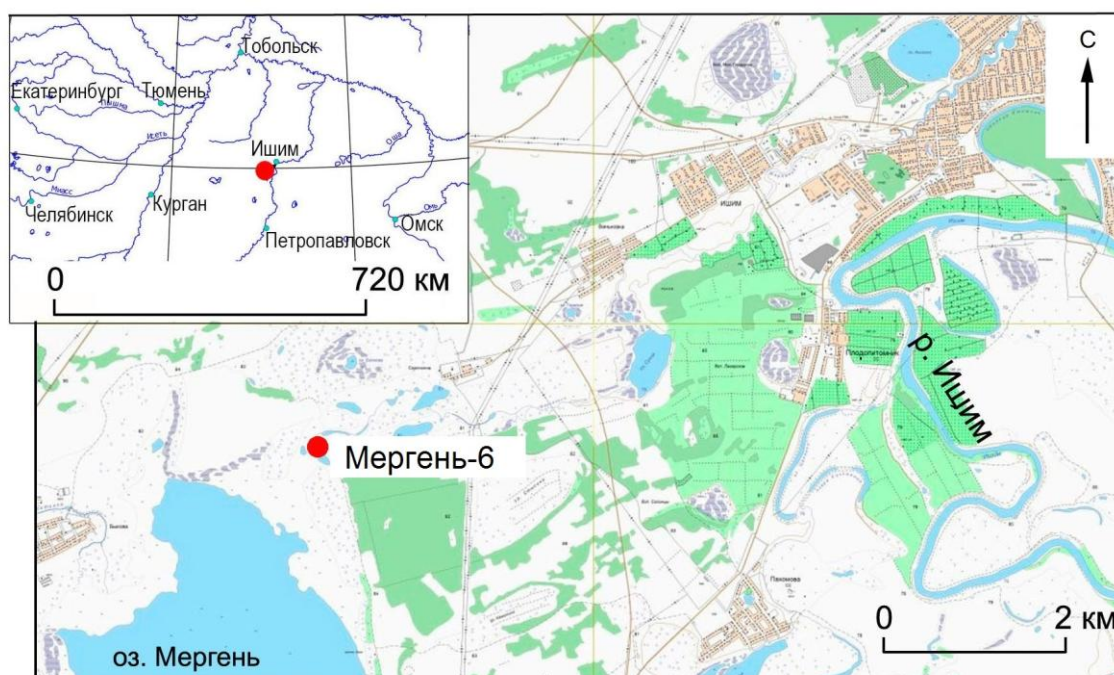

Рис. 1. Место расположения поселения Мергенъ-6 в Нижнем Приишимье
Fig. 1. The location of the settlement Mergen'-6 in the Lower Ishim River Region

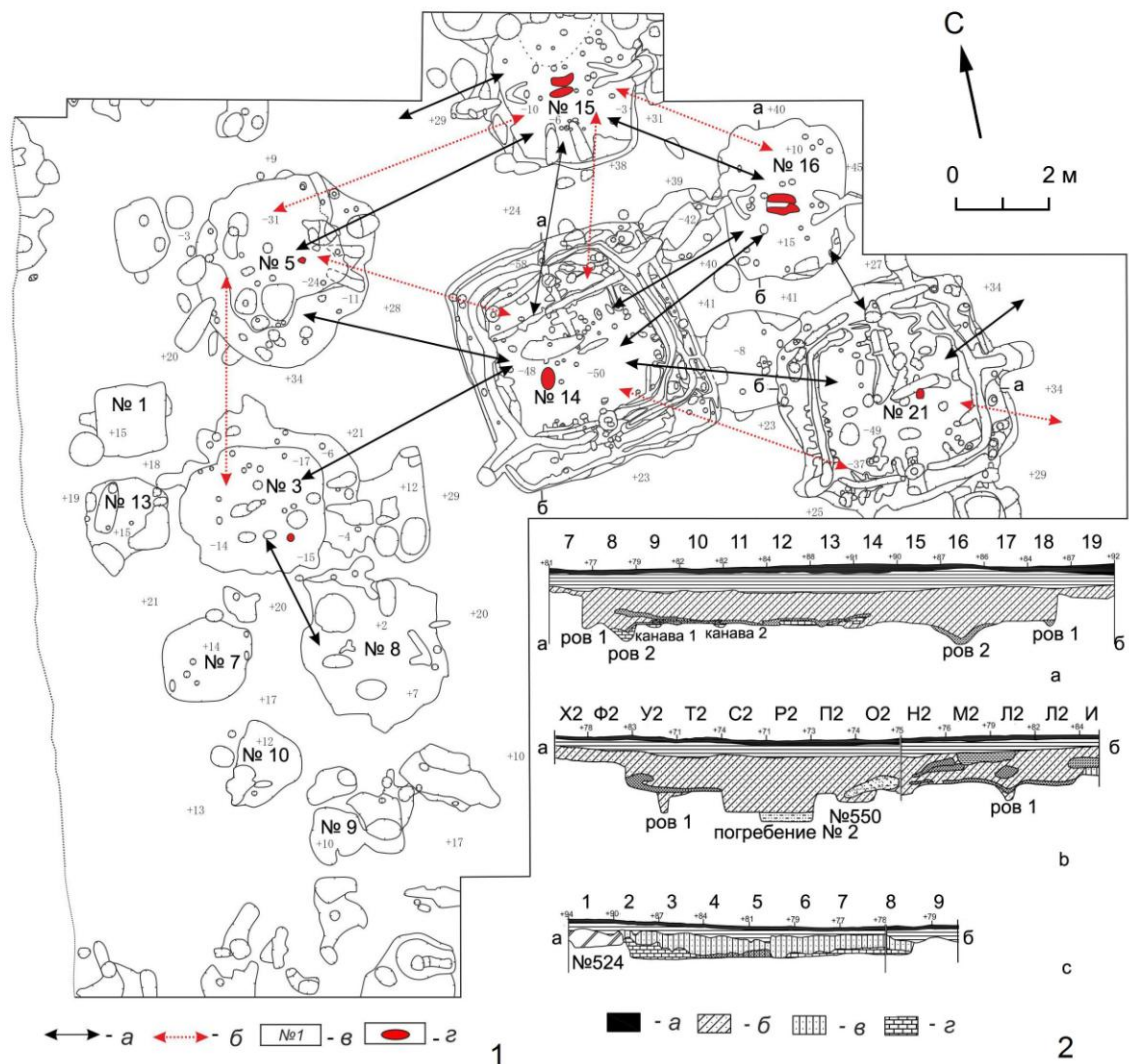

Рис. 2. Поселение Мерген'-6 (раскопы 1990, 2002, 2004, 2010, 2011 гг.)

1 – план поселения и схема «керамических связей» между неолитическими жилищами: а – связь по кошкинским сосудам; б – связь по боборыкинским сосудам; в – номера жилищ и построек; г – прокалы; 2 – стратиграфические разрезы котлованов жилищ II и III типа (а – № 14; б – № 21); с – № 16; а – дерн; б – темно-серый суглинок; в – серо-коричневый суглинок; г – мешанный слой из темно-серого суглинка и материка)

Fig. 2. Materials of the Mergen'-6 settlement:

1 – settlement plan and the scheme of “ceramic ties” between Neolithic dwellings; 2 – stratigraphic sections of the pits of dwellings of type II and III (a – No. 14; b – No. 21; c – No. 16): а – дерн; б – dark gray loam; в – gray-brown loam; г – mixed layer of dark gray loam and the mainland

Тип II – жилища с котлованами подквадратной формы площадью около 50 кв. м (5 построек, расположенных по дуге вокруг сооружений типа III). Углублены котлованы таких сооружений на 0,25–0,5 м. Тип III – жилища с котлованами также подквадратной формы, площадью около 100 кв. м и углубленной частью на 0,5–0,8 м (2 постройки, расположенные в условном центре поселения). Необходимо отметить также, что в жилищах II и III типа выявлены прокалы (следы очажных устройств), кроме того, в сооружениях типа III – системы ям и канав, функционально нацеленные на поддержание благоприятного микроклимата. Анализ распо-

ложения построек позволил предположить планировку поселка приближенной к круговой и вписанной в контуры мыса.

Весь неолитический керамический комплекс насчитывает 520 сосудов, представленных как развалами и скоплениями (5 % от всего комплекса), так и отдельными венчиками. Выделено 4 группы посуды: боборыкинская, кошкинская, изделия с валиками (сатыгинского облика?), сосуды без четко выраженных культурных признаков (группа сосудов со смешанными чертами). Целью представленной работы является анализ пространственного и хронологического взаиморасположения первых двух групп в рамках поселения. В связи с поставленной целью были выдвинуты следующие задачи:

- дать характеристику исследуемым группам керамики;
- проанализировать планиграфические и стратиграфические условия залегания выделяемых групп посуды;
- сопоставить полученные данные с корпусом дат с поселения.

Согласно поставленным задачам были выбраны методы их достижения: типологический, сравнительно-исторический; применены элементы пространственного анализа. Необходимо отметить также, что при определении типов отдельных морфологических элементов керамического комплекса использовалась классификация, предложенная В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой [2008. С. 73–113; 2010. С. 230–231].

Характеристика керамических комплексов

Боборыкинский комплекс представлен 69 изделиями (рис. 3, 1–7). Выделено 2 морфологические группы – сосуды баночной и горшечной формы практически в равном соотношении. Доминирует округлый срез венчика, меньшую долю занимает плоский и единично – приостренный. По форме венчика выделяются три группы, среди которых преобладает отогнутая форма – 62 %, меньшую долю занимает прямая – 29 % и единично встречена закрытая. Среди профилированных сосудов выявлено 3 типа шеек. Доминирует вогнутая шейка – 61 %, меньшую долю занимает прямая, и единично встречена прогнутая.

Донышки плоские, с напылом и без него. Единично округлые. Кроме того, в изломах двух сосудов, в венчике, отмечены каналы от сгоревшего шнура. Большинство сосудов относительно толстостенные (0,8–1,2 см).

На 59 изделиях присутствует орнаментация внешней поверхности. На 10 емкостях орнамент отсутствовал, что является отличительной чертой боборыкинских комплексов. В качестве орнаментиров использовались стержни с округлой, раздвоенной, приостренной и плоской рабочей поверхностью. Доминирующий инструмент – с округлым рабочим краем, использовался в равной степени при декорировании сосудов баночной и горшечной форм, в то время как стержень с раздвоенным рабочим краем – исключительно для оформления изделий горшечной формы. Остальные применялись единично.

Анализ орнаментальных особенностей комплекса позволил выделить следующие группы сосудов по технике нанесения орнамента:

- 1) отступающе-прочерченная;
- 2) накольчатая;
- 3) прочерченная;
- 4) сочетание двух и более приемов.

Соотношение выделенных групп, приблизительно, равное. Оформлялась преимущественно верхняя треть сосуда в зоне под венчиком или по шейке. Изделия с полной орнаментацией единичны.

Декор внешней стороны изделий в композиционном отношении можно разделить на две группы: состоящий из простых элементов (60 %) и содержащий сложные геометрические фигуры (40 %). Среди простых абсолютно доминируют композиции из прямых линий. Под-

чиненное значение имеют волнистые и зигзаговые элементы, а также ряды разреженных глубоких ямочных вдавлений. Эти элементы использовались в основном в качестве горизонтальных разделителей.

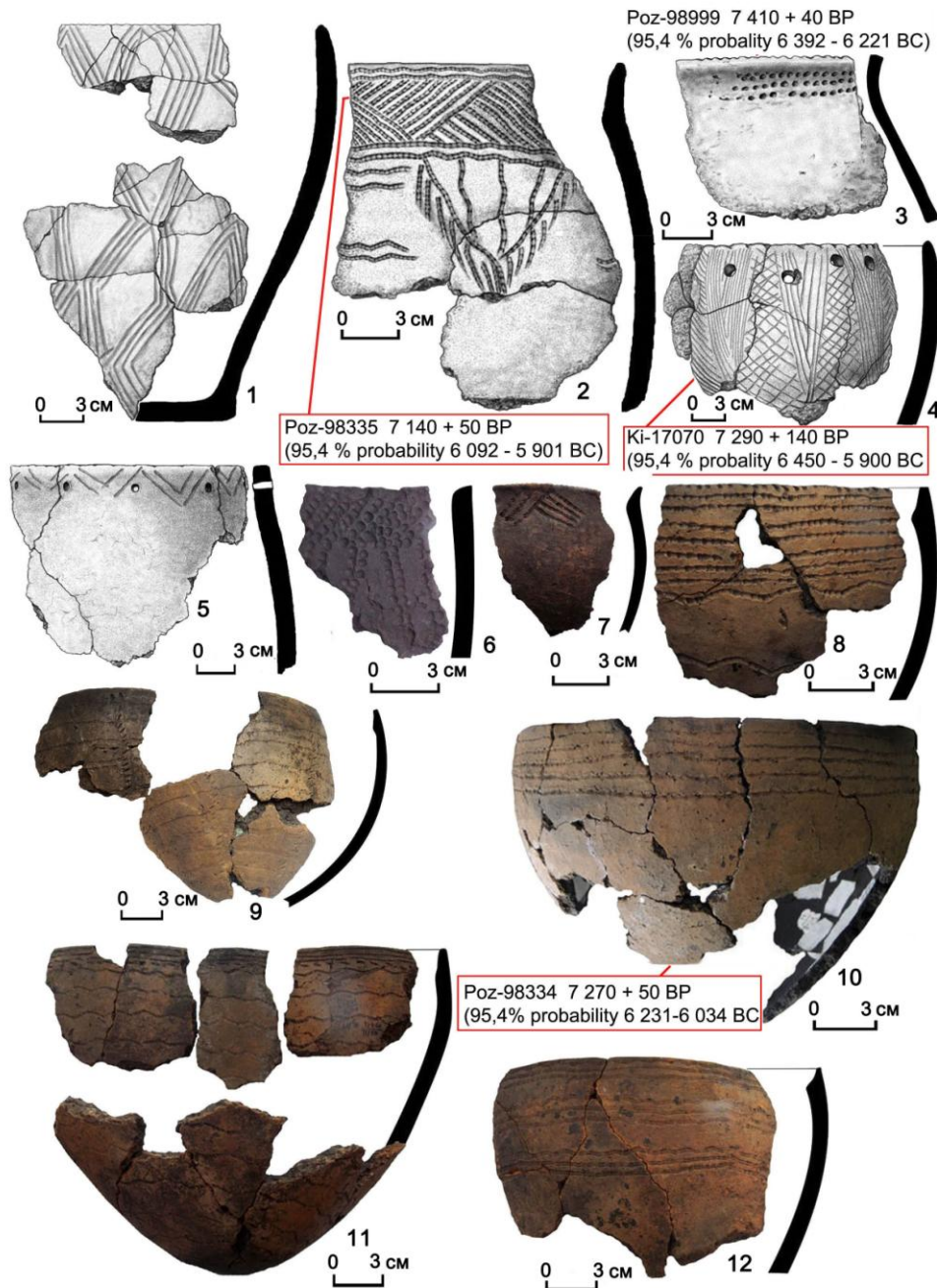

Рис. 3. Материалы поселения Мергень-6:
1–7 – сосуды боборыкинской группы; 8–12 – сосуды кошкинской группы

Fig. 3. Materials of the Mergen'-6 settlement:
1–7 – vessels of the Boborykino group; 8–12 – vessels of the Koshkino group

В группе сложных композиций в качестве геометрического элемента преобладают треугольные фигуры в различном исполнении (разнонаправленные, фестоны, взаимопроникающие, заполненные штриховкой или ромбической сеткой, с «подвесками / бахромой» и т. д.). Меньшую долю занимает ромбическая сетка, ромб, многоугольник и т. д. Пояса геометрических узоров нередко дополняются одиночными прямыми или волнистыми линиями или полями, заполненными ими.

Кошкинский комплекс представлен 167 сосудами (рис. 3, 8–12). Доминируют изделия баночной формы (97 %) с закрытым (45 %), прямым (33 %) или отогнутым (22 %) венчиком. Доньшки округлые, реже приостренные. В двух случаях зафиксированы кошкинские сосуды с плоским дном. Наплыв с внутренней стороны имеют 70 % банок. Двусторонний или односторонний скос по краю венчика присутствует на 15 % сосудов. Единично отмечено наличие «воротничков» с внешней стороны изделия.

Орнамент нанесен на всех кошкинских сосудах. Доминируют банки с полной орнаментацией внешней поверхности. В качестве основного орудия использовался стержень с округлым рабочим краем (75 %), реже с раздвоенным и плоским. На некоторых изделиях отмечено использование естественного орнамента (предположительно, челюсть животного). В технике нанесения доминирует отступление с прочерчиванием (85 %).

Орнамент преимущественно линейно-волнистый. Чаще всего композиции составлялись из разреженных по всей поверхности сосуда одиночных горизонтальных волнистых линий; но имелись и орнаментальные поля, плотно заполненные горизонтальными прямыми линиями, разделенными одиночными волнистыми линиями, реже зигзагом. Нередко использовалась и комбинированная схема построения композиций – плотное заполнение орнаментального поля в верхней трети сосуда и нанесение разреженных одиночных или сдвоенных линейных элементов по всей остальной поверхности (см. рис. 3, 8–12).

Небольшую группу (5 % от комплекса) составляют емкости с поясами геометрических узоров в составе линейно-волнистых композиций. Геометризм представлен треугольными фигурами, заполненными штриховкой или взаимопроникающими треугольниками, а также трапециевидными изображениями. Кроме того, в комплексе присутствует сосуд с древовидным орнаментом, два сосуда с так называемыми вертикальными «лесенками» и два фрагмента сосудов с налестками. Орнамент на внутренней поверхности под краем венчика обнаруживается на 50 % комплекса – преобладают горизонтальные волнистые линии в одиночном и сдвоенном вариантах (40 %).

Представленные группы посуды с поселения Мергень-6 находят массу аналогий в комплексах Среднего Зауралья. Морфология и орнаментика мергенской боборыкинской посуды в целом сходна с материалами поселений как горно-лесной, так и лесостепной зоны Западной Сибири [Ковалева, Зырянова, 2010. С. 291–293]. Вместе с тем черты приишимского комплекса соответствуют базовым критериям выделения боборыкинской керамики, отличающим ее от всякой другой. Они определены К. В. Сальниковым: плоскодонность, присутствие баночных и выраженных горшечных форм, значительная толщина стенок сосудов, сложная геометрическая орнаментация и др. [Там же. С. 5, 7]. Мергенский кошкинский комплекс полностью соответствует критериям выделения кошкинской посуды в Зауралье [Ковалева, Зырянова, 2008].

Пространственный анализ сооружений и керамических групп

При исследовании крупных поселений с многокомпонентным керамическим комплексом всегда возникает вопрос об одновременности жилищ и, соответственно, сосудов внутри них, последовательности сооружений и т. д. Выделяется несколько уровней решения этого вопроса. Большинство из них лежат в плоскости пространственного анализа археологического объекта. Исследователи отмечают необходимость определения степени сохранности куль-

турного слоя [Ларинова, 2019. С. 17]. В почвенном отношении поселение Мергень-6 расположено в условиях тяжелых суглинков, которые обеспечили максимальную сохранность как артефактов (в том числе значительной коллекции орудий из кости / рога и многотысячной палеозоологической ее части), так и границ слоев, пятен, котлованов и ям. Поселение является многослойным, в культурно-хронологическом отношении наиболее представительны материалы неолита, энеолита и переходного времени от бронзы к железу. Кроме того, встречены единичные фрагменты посуды раннего железного века и средневековья¹. Однако основным слоем поселенческого комплекса является неолитический. Его мощность на памятнике варьирует от 0,4 м (в межжилищном пространстве) до 1,5 м (внутри котлованов жилищ III типа). Материалы эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья залежали не глубже 0,3–0,4 м от современной дневной поверхности и выше неолитического слоя. Энеолитический комплекс располагался в этих же горизонтах, а также чуть глубже, на отдельных участках достигая мощности в 0,5 м. Слои энеолита и бронзового времени фиксировались преимущественно по западной и северо-западной границам поселения (фактически береговая линия), а на остальном пространстве – не глубже 1–2 условных горизонтов, в связи с чем часть котлованов неолитических жилищ (II и III тип) в центральной части поселка осталась не потревоженной. Зафиксированы лишь единичные случаи нарушения небольших участков границ неолитических построек № 5 (западная граница) и № 15 (северная граница) объектами энеолитического времени. Фиксация четких линий неолитических котлованов начиналась от 0,5 м и глубже, слой, заполняющий неолитические постройки, представлял собой темно-серый и серо-коричневый суглинок.

Таким образом, культурный слой внутри котлованов № 3, 8, 14, 16 и 21 является не потревоженным, а в жилищах № 5 и 15 фиксируются незначительные нарушения. Наибольшему влиянию в последующие эпохи подверглась зона небольших хозяйственных построек, расположенных непосредственно вдоль береговой линии мыса (западная часть поселка) (см. рис. 2, 1).

Планиграфический анализ неолитических сооружений не показал фактов наложения одних неолитических объектов (котлованов жилищ) на другие. Анализ форм котлованов, их площади, системы расположения столбовых ям, причажных ям и иных элементов внутреннего устройства жилищ позволил разделить все исследованные объекты на три типа [Еньшин, 2014]. Идентичность и сходство построек внутри типов представляется косвенным свидетельством их хронологического и культурного единства. В свою очередь, планиграфический анализ всей исследованной части поселения позволил выявить признаки пространственной организации поселка в древности – планировки, приближенной к круговой и вписанной в естественную конфигурацию мыса (см. рис. 2, 1). Вдоль береговой линии протоки были расположены легкие хозяйственные постройки I типа (№ 1, 7, 9, 10, 13), далее – средние жилища II типа (№ 3, 5, 8, 15, 16), выстроенные по дуге вокруг двух самых крупных сооружений (III тип, № 14 и 21), соединенных тамбуорообразным переходом [Там же]. Наличие структуры у поселения является, на наш взгляд, косвенным свидетельством одновременности ее составляющих.

Анализ стратиграфических разрезов котлованов жилищ также не выявил признаков наложения одних объектов на другие, но позволил вместе с планиграфической характеристикой отметить строительные приемы, применяемые при возведении домов: сооружение завалинок из выброшенной при рытье котлована глины и ее последующий оплыв при разрушении жилищ; следы перестроек – смещение элементов столбовых конструкций; поднятия уровня пола (при паводковых подтоплениях); расширения котлована и т. д. (см. рис. 2, 2) [Рябогина и др., 2011; Еньшин, 2014].

¹ АИПОС ТюмНЦ СО РАН. Д. 10/8. С. 57–59.

Обратимся теперь непосредственно к особенностям залегания и распространения исследуемых групп керамики. Для наибольшей достоверности анализ был проведен по материалам из заполнений котлованов жилищ № 3, 5, 8, 14–16, 21 как не- или наименее (№ 5, 15) потревоженных объектов (см. рис. 2, 1). Из этих сооружений происходит около 60 % всей боборыкинской керамики (39 сосудов) и около 70 % кошкинской (115 сосудов). Анализ распространения находок внутри котлованов жилищ показал нахождение боборыкинских и кошкинской сосудов в одних и тех же жилищах, преимущественно в придонной части котлованов или на самом дне. Количественный анализ сосудов по жилищам продемонстрировал общую тенденцию – керамический комплекс в сооружении варьирует от 40 до 60 сосудов (в половине жилищ 50–60 единиц). Кроме того, доля боборыкинских и кошкинской изделий от всего комплекса в жилище демонстрирует устойчивый показатель – 10–18 % первые и 30–40 % вторые. Степень сохранности сосудов обеих групп также сопоставима. Основной массив представлен несколькими частями изделий (в том числе реконструируемыми). Вместе с тем присутствуют и археологически целые сосуды, зафиксированные *in situ*. В боборыкинском комплексе доля таких емкостей 8 %, в кошкинском – 10 %. Вместе они составляют около 40 % всех неолитических развалов, найденных на поселении.

Анализ сосудов по жилищам выявил такую особенность залегания материала, как нахождение фрагментов от одного и того же сосуда в котлованах разных жилищ. Данный факт позволил применить еще один из элементов пространственного анализа – метод «связей» или «связей ремонтажа» [Сериков, 1983; Рыжкова, 1993; Ларинова, 2019].

По типу и характеру подобные связи исследователи разделяют на «подклеивающиеся» и «неподклеивающиеся», однообъектные, парные и сложные [Рыжкова, 1993. С. 172–173]. «Подклеивающийся» характер связи однообъектного типа нами уже был отмечен выше. Однако анализ распространения керамического материала показал многочисленные связи сложного типа (объединяющие более двух пространственных участков – например, 3 жилища и более, 2 жилища и межжилищное пространство и т. д.). Этим типом связи объединены 6 из 7 рассматриваемых жилищ (II и III типов) + участки межжилищного пространства; лишь между котлованами № 8 и 3 установлена парная связь (см. рис. 2, 1). Всего в разных жилищах рассматриваемого участка обнаружены фрагменты от 40 сосудов (12 % от всего керамического комплекса этих построек). Из них 9 сосудов боборыкинского типа и 12 кошкинского. При этом выявлены связи «подклеивающегося» характера и между разными жилищами, в том числе в одном случае практически половина кошкинского сосуда (№ 111) была зафиксирована в жилище № 14, его вторая часть – в котловане № 16, а часть стенок – в постройке № 15. Многочисленные свидетельства наличия сложного типа «связей» между постройками являются доказательством их одновременности, а «участие» в этих «связях» и боборыкинских и кошкинской сосудов также указывает на их хронологическое единство.

Точные причины появления фрагментов от одних и тех же сосудов в разных жилищах определить сложно. Между тем трасологический и технико-технологический анализ говорит об активном использовании керамического боя – изготовление шамота, керамических скребков и т. д. Кроме того, не исключается использование крупных фрагментов в поселенческих ритуалах (приклады?).

Данные пространственного анализа и датирования

Относительно датирования представленных материалов следует констатировать, что за последнее время был получен большой корпус радиоуглеродных и AMS датировок (21 единица). Необходимо отметить, что до этого при наличии 2 дат, полученных по керамике (Ki-15908 $6\ 870 \pm 90$ BP; Ki-17085 $5\ 870 \pm 110$ BP), поселение относилось к середине VI – началу V тыс. до н. э. Однако анализ 18 проб, выполненный по разным материалам (рог, кость животного, кость человека, керамика, нагар на керамике) в разных лабораториях (Познань,

Оксфорд, Белфаст, Новосибирск и др.), надежно определяет время функционирования выявленных жилищ концом VII тыс. до н. э. (Combine probabilities – 2σ (95,4 %) 6 095BC – 6 060BC). Большая часть из них опубликована [Piezonka et al., 2020]. При этом необходимо подчеркнуть, что неоднократно по разным материалам датированы именно представленные выше жилища обоих типов (№ 3 – 2 образца, № 14 – 1 образец, № 15 – 5 образцов, № 16 – 3 образца, № 21 – 5 образцов). Кроме того, были получены даты непосредственно по сосудам боборыкинского и кошкинского типов (керамика, нагар) (см. рис. 3, 4–6, 12), и они укладываются в общий хронологический диапазон. Результаты сопоставления полученных выводов пространственного анализа и дат подтверждают тезис о синхронности функционирования представленных жилищ и, соответственно, одновременности залежавших в них керамических комплексов.

Заключение

Таким образом, представленные материалы, на наш взгляд, надежно документируют существование носителей боборыкинской и кошкинской керамических традиций в рамках одного поселения на территории Нижнего Приишимья в последней четверти VII тыс. до н. э.

Факт существования ранней плоскодонной посуды боборыкинского облика вновь поднимает актуальность вопроса о хронологии боборыкинских древностей в Зауралье (выделение этапов существования: ранний / поздний, определение территории первоначального формирования традиции и последующего распространения и т. д.). Свидетельства сосуществования носителей данной традиции на раннем этапе неолита с кошкинскими коллективами и на позднем – с басьяновскими, сосновоостровскими, полуденковскими группами, на наш взгляд, полностью снимают тезис об обособленности, закрытости боборыкинских общин, выдвинутый В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой [2016. С. 16]. Контактность, вероятно, не ограничивалась лесостепной зоной Зауралья, но распространялась и за ее пределы – в степь и лес [Яковлева, 2019]. Многовекторность связей на разных этапах неолита могла выступать основным источником морфологического и орнаментального многообразия боборыкинской посуды.

Список литературы

- Еньшин Д. Н.** Неолитические жилища поселений озера Мergenъ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Зах В. А.** Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Зах В. А.** Появление керамики в Западной Сибири (к обсуждению проблемы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 20–31. DOI 10.20874/2071-0437-2018-43-4-020-031
- Зах В. А., Исаев Д. Н.** Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций в неолите Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 4–14.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю.** Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. Вып. 25. С. 73–113.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю.** Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю.** Радиоуглеродные даты неолитических памятников Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 240–242.
- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю.** Проблемы интерпретации боборыкинской культуры Среднего Зауралья в контексте новейших открытий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 5–20. DOI 10.20874/2071-0437-2016-34-3-005-020

- Косинская Л. Л.** Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 30–40.
- Ларинова А. В.** Планиграфический анализ среднепалеолитической стоянки Кетросы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2019. 36 с.
- Мосин В. С.** Сравнительная хронология зауральского неолита: лес-степь // XXI Уральское археологическое совещание: Материалы Всерос. науч. конф. с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 57–59.
- Мосин В. С., Епимахов А. В.** Радиоуглеродная хронология раннего неолита Зауралья: пространственный аспект // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 108–114. DOI 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-108-114
- Рыжкова О. В.** Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково II) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 170–180.
- Рябогина Н. Е., Иванов С. Н., Якимов А. С.** Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергенъ 6 в Тюменском Приишимье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. Т. 2. С. 403–405.
- Сериков Ю. Б.** Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) // СА. 1983. № 1. С. 121–129.
- Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н.** Керамика сатыгинского типа поселения Нижнее Озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 19–31. DOI 10.20874/2071-0437-2016-32-1-019-031
- Шорин А. Ф., Шорина А. А.** Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 97–107. DOI 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-97-107
- Шорин А. Ф., Шорина А. А.** Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // Stratum plus. 2020. № 2. С. 31–56.
- Яковлева Е. С.** Следы маханджарской культуры в лесостепном Притоболье // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 158–166. DOI 10.24411/2309-4370-2019-13208
- Piezonka N., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Y., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zykov A.** The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. *Journal of Archaeological Science*, 2020, no. 116, p. 1–19. DOI 10.1016/j.jas.2020.105100

Список источников

- АИПОС ТюмНЦ СО РАН. Д. 10/8. Скочина С. Н. Отчет о археологических исследованиях поселения Мергенъ 6 в 2010 и 2011 гг. в Ишимском районе Тюменской области. Тюмень, 2013. 284 с.

References

- Chairkina N. M., Dubovtseva E. N.** Keramika satyginskogo tipa poseleniya Nizhnee Ozero III [Ceramics satyginskii type of the settlement Nizhnee Ozero III]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 1 (32), p. 19–31. (in Russ.)
- Enshin D. N.** Neoliticheskie zhilishcha poselenii ozera Mergen' [Neolithic dwellings of the settlements of Lake Mergen]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 1 (24), p. 14–23. (in Russ.)

- Kosinskaya L. L.** Rannaya grebenchataya keramika v neolite Zaural'ya [Early comb ceramics in the Neolithic of the Trans-Urals]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Herald]*, 2014, no. 2 (43), p. 30–40. (in Russ.)
- Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu.** Istoriografiya i obzor osnovnykh pamyatnikov koshkinskoi kul'tury Srednego Zaural'ya [Historiography and an overview of the main sites of the Koshkino culture in the Middle Urals]. In: *Voprosy arkheologii Urala [Issues of archaeology of the Urals]*. Ekaterinburg, Ural State Uni. Publ., 2008, iss. 25, p. 73–113. (in Russ.)
- Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu.** Neolit Srednego Zaural'ya: Boborykinskaya kul'tura [The Neolithic Period of the Middle Urals: Boborykino culture]. Ekaterinburg, Study Book Publ., 2010, 308 p. (in Russ.)
- Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu.** Problemy interpretatsii boborykinskoi kul'tury Srednego Zaural'ya v kontekste noveishikh otkrytii [The problem of interpretation of the Boborykino culture in the Middle Trans-Urals in the context of the latest discoveries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 2016, no. 3 (34), p. 5–20. (in Russ.) DOI 10.20874/2071-0437-2016-34-3-005-020
- Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu.** Radiokarbonnye daty neoliticheskikh pamyatnikov Zaural'ya [Radiocarbon dates of the Neolithic sites of the Trans-Urals]. In: *Voprosy arkheologii Urala [Issues of archaeology of the Urals]*. Ekaterinburg, Surgut, Magellan Publ., 2011, iss. 26, p. 240–242. (in Russ.)
- Larinova A. V.** Planigraficheskii analiz srednepaleoliticheskoi stoyanki Ketrosy [Planographic analysis of the Middle Paleolithic site of Ketrosa]. Cand. Histor. Sci. Syn. Diss. St. Petersburg, 2019, 36 p. (in Russ.)
- Mosin V. S.** Sravnitel'naya khronologiya zaural'skogo neolita: les-step' [Comparative chronology of the Trans-Ural Neolithic: forest-steppe]. In: XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie [XXI Ural archaeological meeting]. Materials of the All-Russian scientific conference with International participation. Samara, Samara State Social and Pedagogical Uni. Publ., 2018, p. 57–59. (in Russ.)
- Mosin V. S., Epimakhov A. V.** Radiouglerodnaya khronologiya rannego neolita Zaural'ya: prostranstvennyi aspekt [Radiocarbon chronology of the Trans-Urals neolithic: spatial aspect]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Herald]*, 2018, no. 3 (60), p. 108–114. (in Russ.) DOI 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-108-114
- Piezonka H., Kosinskaya L., Dubovtseva E., Chemyakin Y., Enshin D., Hartz S., Kovaleva V., Panina S., Savchenko S., Skochina S., Terberger T., Zakh V., Zhilin M., Zikov A.** The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence. *Journal of Archaeological Science*, 2020, no. 116, p. 1–19. DOI 10.1016/j.jas.2020.105100
- Ryabogina N. E., Ivanov S. N., Yakimov A. S.** Rekonstruktsiya paleoekologicheskikh uslovii i sredi obitaniya na mnogoslainom poselenii Mergen' 6 v Tyumenskom Priishim'e [Reconstruction of paleoecological conditions and habitats in the multi-layered settlement of Mergen 6 in the Ishim River basin in the Tyumen region]. In: *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]*. St. Petersburg, Moscow, Velikii Novgorod, Novgorodskii technopark Publ., 2011, vol. 2, p. 403–405. (in Russ.)
- Ryzhkova O. V.** Ispol'zovanie metoda svyazei dlya sotsial'nykh rekonstruktsii (po materialam poseleniya Tashkovo II) [Using the method of connections for social reconstruction (based on materials from the settlement of Tashkovo II)]. In: *Voprosy arkheologii Urala [Issues of archaeology of the Urals]*. Ekaterinburg, Ural State Uni. Publ., 1993, iss. 21, p. 170–180. (in Russ.)

- Serikov Yu. B.** Ispol'zovanie metoda "svyazei" na mezoliticheskoi stoyanke Vyika II (Srednee Zaural'e) [The use of the "ties" method at the Mesolithic site of Vyyka II (Middle Trans-Urals)]. *Sovetskaya arkhеologiya* [*Soviet Archaeology*], 1983, no. 1, p. 121–129. (in Russ.)
- Shorin A. F., Shorina A. A.** Migratsii v neolite Zaural'ya v svete radiouglerodnoi khronologii [Neolithic Trans-Ural Migrations in the Light of Radiocarbon Chronology]. *Stratum plus*, 2020, no. 2, p. 31–56. (in Russ.)
- Shorin A. F., Shorina A. A.** Radiouglerodnoe datirovanie neoliticheskikh kompleksov Koksharovskogo kholma [Radiocarbon dating of the Neolithic complexes of Koksharovsky Kholm]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [*Ural Historical Herald*], 2018, no. 3 (60), p. 97–107. (in Russ.)
- Yakovleva E. S.** Sledy makhandzharskoi kul'tury v lesostepnom Pritobol'e [Traces of Mahanjar culture in the forest-steppe Tobol region]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [*Samara Scientific Herald*], 2019, vol. 8, no. 3 (28), p. 158–166. (in Russ.) DOI 10.24411/2309-4370-2019-13208
- Zakh V. A.** Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ya [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim basin]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 320 p. (in Russ.)
- Zakh V. A.** Poyavlenie keramiki v Zapadnoi Sibiri (k obsuzhdeniyu problemy) [Origin of pottery in Western Siberia (to the discussion of the problem)]. *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 2018, no. 4 (43), p. 20–31. (in Russ.) DOI 10.20874/2071-0437-2018-43-4-020-031
- Zakh V. A., Isaev D. N.** Rannyaya keramika i formirovanie grebenchatoi i grebenchato-yamochnoi ornamental'nykh traditsii v neolite Tobolo-Ishim'ya [Early ceramics and the formation of the comb and comb-patchy organic traditions in the Neolithic Tobol-Ishim basin]. *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii* [*Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*], 2010, no. 1 (12), p. 4–14. (in Russ.)

List of Sources

- AIPND TumSC SB RAS. Case 10/8. Skochina S. N. Otchet o arkhеologicheskikh issledovaniyakh poseleniya Mergen' 6 v 2010 i 2011 gg. v Ishimskom raione Tyumenskoi oblasti [Report on archaeological research of the settlement of Mergen-6 in 2010 and 2011 in Ishim district of the Tyumen region]. Tyumen, 2013, 284 p. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Received
26.06.2020

Сведения об авторе

Еньшин Дмитрий Николаевич, научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН (Тюмень, Россия)
Dimetrius666_72@mail.ru
ORCID 0000-0001-6970-2359

Information about the Author

Dmitry N. Enshin, Researcher at Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russian Federation)
Dimetrius666_72@mail.ru
ORCID 0000-0001-6970-2359